

Михаил страдал. И не просто, а двадцать четыре часа в сутки. В нем боролись два чувства: с одной стороны еще не утраченная любовь к Анне – жене своей, с которой они обвенчались два года назад. С другой – чувство несправедливости к нему со стороны создателя... Он вспоминал, как он был счастлив, когда Анна, первая красавица на деревне, сказала: «да» – и стала его женой.

Какие они строили планы на жизнь! И вот она умирает... медленно и мучительно. Год назад она вдруг почувствовала недомогание, и с той поры ей становилось все хуже и хуже. Врачи только разводили руками, выписывали всяческие лекарства и витамины, которые не помогали. Еще три месяца тому она вставала и, держась за штaketник, потихоньку прогуливалась, худая и прозрачная. Теперь почти не встает. Лежит на постели скелет, обтянутый кожей, а на вопрос что болит – пожимает худыми плечами:

– Мне кажется, что кто-то изнутри забирает мои силы. Миша, я, наверно, скоро умру! – говорила и плечи ее содрогались от рыданий.

– Нет, ты будешь жить! – сказал он ей, сам не веря в свои слова.

– Боже, за что! Ведь мы все делали как надо, и теперь в храме горят свечи за здоровье, и служат молебны... Где ты, Господь?

В тот день с работы ему идти не хотелось: боялся глядеть в обреченные глаза Анны и виноватые – тёщи, хотя он ее не винил ни в чем. Просто ужасно ощущать себя бобылем при живой жене, когда и природа требует, и бабы проходу не дают: зайди он сейчас в деревенское

кафе (больше идти некуда) – и Ленка, буфетчица снова начнет симпатизировать и приставать...

Людей в кафе почти не было, они собираются позже. Ленка – красивая, ухоженная, фигуристая, с высокой грудью девушка обрадовалась его приходу. Выскочив из-за прилавка, чмокнула его в щеку и, прижавшись, горячо зашептала на ухо:

– Все страдаешь, Мишенька? А зря... Возьми меня, любить буду безумно, ведь для тебя берегу себя, сам видишь?

От горячей волны в голову его даже всего передернуло, беспомощно и, пряча руки за спину, он простонал просяще:

– Лена, пощади, я же венчанный! Ты меня убиваешь...

Она не отступала и, притиснув его грудью к стене, твердила:

– Мишенька, видишь сам, как Бог распорядился!? Не судьба вам вместе быть... я тебя еще со школы заметила, да и ты, пока она не появилась, ко мне не равнодушничал, неужто умерло все? Не верю! Ишь как колотишься... Бери меня Миша...

И, воспользовавшись его беспомощностью, обожгла поцелуем. На его счастье, в кафе вошла пара, и Ленка вернулась за прилавок, спросив Михаила, что ему подать. Он попросил стакан вина и сулугуни на закуску. Она подала и занялась другими посетителями, а Михаил в глубокой прострации сидел, склонившись над стаканом. «Как быть? Как жить дальше?» Измученные его душа и тело требовали ответа.

Набожным он не был, но слово давал – и как отказаться от слова? Если бы Анна умерла, все было бы просто и правильно, но она жива, мучается, но жива... а сколько это будет длиться? С ума можно сойти!

Пришел Михаил домой поздно, наскоро приготовил поесть и отправился к себе, по пути заглянув в комнату Анны. Она лежала на спине, накрытая покрывалом, поверх него лежали худые руки, черты лица заострились и даже показалось, что ангелы уже приняли ее душу. Он присмотрелся: покрывало на груди слегка колебалось, Анна спала...

Михаил прошел к себе и прилег на постель. Сон не шел. Проворочавшись пару часов, он, наконец-то, забылся в кошмарном сне: ему снились то похороны, то свадьба, то они с Ленкой кувыркались в постели: она мучает его бесконечными поцелуями и «душит» своей грудью, и он никак не может вырваться...

Проснулся он на рассвете «разбитый», в холодном поту. Вышел во двор и вылил на голову ведро воды из колонки. Слегка взбодрился. Вытираясь полотенцем, заглянул в комнату жены... Она не спала. Поманила рукой. Михаил подошел. Анна взяла его руку, слабо пожала и прошептала:

– Прости, Мишенька, я тебе всю жизнь поломала, – помолчав, неожиданно попросила: – Мишенька, ты мне тыквенной каши свари... как тогда... может, в последний раз... – Её синие глаза наполнились слезами, она выпустила его руку и отвернулась к стене.

Горло Михаила сдавили спазмы, он сам едва не зарыдал... Поспешно вышел, промокнув полотенцем выступившие слезы. Повесив полотенце на гвоздь, взял из кладовки тыкву. Порезал на дольки, очистил от кожуры и, залив водой, поставил на огонь. Хотел присолить, но баночка с солью куда-то запропастилась: теща, наверно, куда-нибудь сунула.

Михаил пошарил глазами по полкам шкафа; на самом верху стояла банка с наклейкой, как на «веселом Роджере»: череп с костями с надписью «яд». Из этой банки травили тараканов и прочую нечисть. Взгляд продолжал шарить по углам шкафа, как вдруг откуда-то вынырнула шальная мысль: «Сыпни в кашу, сделаешь доброе дело... и все отмучаются... Все равно не сегодня–завтра это произойдет. Вся деревня знает, никто ничего не подумает». Михаил даже вздрогнул от этой мысли, но прогнал ее прочь. Банка с солью нашлась в хлебнице, он сам её вчера туда засунул. Тыквенная каша была его коньком, он делал всё, как на автопилоте. Он нервничал, старался думать о чем угодно, но будто черт сидел на его на плече, все возвращал к мысли к злополучной банке с «Роджером». Михаил сопротивлялся: «Нет же! Нет! – говорил он черту, а тот нашептывал: «Никто не узнает... уснет – и все... Ведь все этого ждут! И готовятся!»

Уже и тыква сварилась, и он растолок ее толкушкой, добавил молока, сыпнул пшена. Вот и пшено разварилось, а они с чертом все спорили: «Тряпка ты, однако!» – нашептывал нечистый. Михаил попробовал кашу на вкус: дух шел необыкновенный: «Надо чуть подсластить!» – он ливанул полстакана меда и, как околдованный, сняв банку с «Роджером» с полки, открыл крышку и, зацепив ложку белого порошка, сыпнул в кастрюльку с кашей, тщательно перемешал. Затем, взяв кухонным полотенцем ещё горячую посудину, занес в комнату жены и поставил на тумбочку. Не глядя ей в глаза, пробормотал:

– Пусть остынет, мне на работу! – и вышел...

Весь день он работал, как одержимый, без единого перекура. Его «Ка–700» мотался из конца в конец огромного поля, оставляя за плугом черноту. Он знал, что его до вечера никто не потревожит. Теща работала на ферме допоздна. Только теперь вместо чёрта его донимал внутренний голос: «Как жить будешь с таким багажом? Люди не узнают, но совесть! А Бог, если он есть... И не с кем поделиться, даже с Ленкой. Сопьёшься в результате или в дурдом дорога...

Деревенские, проезжавшие вдоль поля, головами качали:

– Во дает, Мишка! Страдает парень, некуда деться... Бедняга...

Михаил заглушил мотор, когда уже стемнело. Он вышел к дороге и послал кого-то из пацанов за вином купить три бутылки на троих: ему, нечистой силе и внутреннему голосу достаточно. Проведя в этой компании ночь и не придя к консенсусу, рано утром постучался в дом к участковому, где и на вопрос «тебе чего?» ответил:

– Арестовывай меня, Иваныч, я отравил жену!

Иваныч оценивающе поглядел на опухшего от вина Мишку, за три метра от которого разило перегаром, сокрушенно покачал головой:

– Ну ты, Мишка, и напился! Поди проспись! – и показал ему на дверь.

– Иваныч! – зарыдал Михаил, упав на колени: – Я правду говорю, забирай меня, все равно мне каюк.

Участковый задумался:

– Ладно Миша, ты тут посиди, я оденусь, сейчас же поедem к тебе, посмотрим, что ты натворил.

Пока Иваныч пил чай, одевался, Михаила постоянно мучило, несколько раз он вытошнил одной желчью: пил-то натошак. И пришлось мочить под краном гудящую голову.

Наконец вместе с Иванычем они спустились с крыльца, и тот завел свой мотоцикл с коляской:

– Садись, Миша, поехали!

– А наручники?! – Михаил протянул ему руки.

– Потом, держаться-то как будешь? Еще вывалишься, а я отвечай за тебя.

По мере приближения к дому, Михаил трезвел, страх сжимал его сердце.

Когда у Мишкиного дома Иваныч заглушил мотоцикл, Мишку колотила нервная дрожь, и он долго возился со щеколдой.

Иваныч его не торопил, молча наблюдал. Он знал Мишку с детства, знал его историю, был на свадьбе гостем. Потому не верил Мишкиным словам, но опыт подсказывал: что-то неладное произошло с ним: тот пошел, как на гильотину, поникший и жалкий.

Миновав коридор из цветов и вьющейся розы, они приближались к дому, как вдруг Мишка вскрикнул, заслонившись руками, как будто увидел что-то жуткое, – и стал заваливаться на бок. Иваныч еле успел подхватить его и уложил на тропке, чтоб не разбился, потом схватил ведерко, надетое на частокол, заспешил к колонке с водой. И тут вдруг Иваныч сам тоже внезапно замер, как вкопанный: под резным окошком, на скамеечке, в лучах утреннего солнца сидела улыбающаяся Анна. Бледная и худая, завернутая в теплый халат, в теплых вязаных носках, но живая! Она расчесывала свои длинные русые волосы, что-то напевая.

Увидев участкового, Анна приветливо кивнула головой:

– Здравствуй, Иваныч! Какими судьбами?

– Да вот с Мишей решил зайти, проведать тебя, чего-то с ним обморок приключился: водой бы его надо побрызгать, верно, переутомился.

Анна встрепенулась, постучала в стекло:

– Мама, мама, выйди! Мише плохо!

На улицу выбежала мать Анны и, всплеснув руками, кинулась помогать Иванычу поднимать Мишку. Вдвоем они положили его на кушетку под беседкой из винограда, дали понюхать нашатыря. Приведенный в чувство, тот обалдело вертел головой, не понимая, что с ним. Когда же в поле его зрения вдруг попала улыбающаяся Анна, он, протирая руками глаза, уставился на неё, не веря глазам своим. Но убедившись, наконец, в том, что это реальность, что перед ним его Анна, самая что ни на есть живая, он сполз с кушетки, подошел к ней, бухнулся на колени, рыдая и пошатываясь, взмолился:

– Аннушка, прости меня ради Бога, прости за все!

– За что же, Мишенька? Это ты меня прости, измучила я тебя, лица на тебе нет. Теперь все позади, фельдшер сказала, что, прости, ... цепень у меня был. После каши твоей вышел! Легко-то теперь как! И аппетит даже появился! Значит, поправлюсь, значит дошли мои молитвы до Бога!

Иваныч, выпив чаю с медом и ватрушками и удостоверившись, что делать ему здесь нечего, довольный, поехал домой: не завтракал ведь. Одна только мысль какое-то время раздражала его: «Странные люди, не разобрались что к чему, а наговаривают на себя!»

P.S.:

Эту реальную историю мне рассказали мои знакомые. Но прошу читателя ни в коем случае не повторять подобный опыт. Лучшее – к лекарю.

Ялта

